

— Бай Муюнь, о чем ты хотел со мной поговорить? — Цзян Цзинхун нервно сплела пальцы, не зная, куда деть руки.

Бай Муюнь не стал ходить вокруг да около и сразу перешел к делу:

— Я хотел спросить о Лу Яне.

— А? — Цзян Цзинхун удивленно вскинула голову, но выглядела разочарованной. — Но... разве вы с ним не лучшие друзья? Почему ты спрашиваешь меня?

— Во втором полугодии выпускного класса я вернулся в город Б, чтобы сдать экзамены, и с тех пор мы не общались. Мне нужно знать, не случилось ли чего-то серьезного после моего отъезда.

Цзян Цзинхун нахмурилась, пытаясь воскресить в памяти события прошлых лет.

— Мы с Лу Янем никогда не были особенно близки... К тому же в выпускном классе моя семья переехала, и мы больше не жили по соседству.

Бай Муюнь и не надеялся на многое, но в глубине души все равно кольнуло разочарование.

— Понимаю. Извини, что зря побеспокоил.

Он уже поднялся, собираясь уйти, как Цзян Цзинхун поспешно окликнула его:

— погоди!

— Да?

— Ходили кое-какие слухи... — она замялась, словно не решаясь продолжать. — Не знаю, стоит ли об этом говорить.

Бай Муюнь снова сел.

— Что за слухи?

— Я слышала это от родни со стороны бабушки. Говорили, что тогда, в выпускном классе, отец Лу Яня среди бела дня набросился на кого-то с ножом. Его застрелили полицейские прямо на месте... И поговаривали, что Лу Янь в тот момент был рядом.

Бай Муюнь побледнел.

— Не может быть... — прошептал он, не веря своим ушам.

— Многие твердили, что у его отца случился приступ безумия. Другие и вовсе обвиняли Лу Яня — мол, это из-за него погиб и тот человек, и его собственный отец. Якобы отец гнался за ним с этим самым ножом... В общем, сплетни были злыми. Его даже прозвали «маленьким психом».

Цзян Цзинхун прикусила губу, невольно сжимая в руке бокал.

— Не знаю, доходили ли до Лу Яня эти пересуды, но если да — представляю, как ему было тяжело. Впрочем, это лишь обрывки чужих разговоров. В новостях вроде бы что-то мелькало, но когда я пыталась найти подробности позже, ничего не обнаружила.

Она подняла взгляд и вздрогнула, заметив, что собеседник осунулся.

— С тобой всё в порядке?

— Всё хорошо, — голос Бай Муюня прозвучал глухо. — Ты сказала, Лу Янь был там?

— Так болтали люди, сама я его не видела. Да и история с убийством могла быть сильно преувеличена, ты же знаешь, как рождаются слухи. Но выглядишь ты паршиво. Тебе точно не плохо? — обеспокоенно спросила Цзян Цзинхун.

Бай Муюнь давно подозревал, что отец Лу Яня, Лу Шэньян, страдает психическим расстройством. Вероятнее всего, это было биполярное расстройство в маниакальной стадии. Он помнил, как Лу Шэньян избивал сына с самого детства — жестоко, не зная меры. Глядя на вечные синяки и ссадины Лу Яня, Бай Муюнь всякий раз чувствовал, как сердце обливается кровью.

В те годы он пытался вмешаться, но поначалу Лу Янь наотрез запрещал ему лезть в дела семьи. Позже, когда они начали встречаться, тот клялся, что научился давать отпор и больше не позволит себя ударить. Но травмы всё равно появлялись. Бай Муюнь с горечью осознал: его возлюбленный подставлялся под удары добровольно, даже не пытаясь защищаться. На все расспросы Лу Янь лишь отнекивался: «Я же не идиот, конечно, я сопротивляюсь. Просто иногда цепляюсь за что-то или падаю».

Они много раз ссорились из-за этого, пока Бай Муюнь почти силой не заставил его съехать и поселиться вместе в арендованной квартире. Только тогда насилие прекратилось. Так что новость о том, что у Лу Шэньяна окончательно помутился рассудок, не казалась невозможной.

Однако Бай Муюнь всем сердцем надеялся, что это ложь. Если всё правда... через какой кошмар пришлось пройти Лу Яню?

— Бай Муюнь?

— А, прости. Я в норме, — он глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки.

— Есть ещё кое-что. Хочешь послушать?

— Говори.

Цзян Цзинхун понизила голос до шепота:

— Тогда в школе поползли слухи, будто Лу Янь — гей.

Бай Муюнь замер.

— С чего бы это?

— Сама не пойму, возникло на пустом месте. Тогда все обсуждали его роман с Цзинь Фэйфэй, их считали парой. Казалось бы, почва для таких сплетен совсем неподходящая. Но кто-то пустил этот слух, и многие в него поверили. Шептались по углам, будто сами всё видели, поливали его грязью... Лу Янь в школе всегда был на виду, ему многие завидовали. Думаю, это просто чья-то месть.

Она вздохнула:

— Я тогда не придавала этому значения, так, краем уха слышала. Это всё, что я знаю. Слушай, ты правда очень бледный. Может, тебе присесть?

Бай Муюнь пришел в себя и пристально посмотрел на девушку.

— Госпожа Цзян, я прошу вас: всё, что вы сегодня рассказали о Лу Яне, не должно выйти за пределы этой комнаты. Ни единого слова.

— Конечно, я понимаю! Я даже о том, что вы были знакомы раньше, никому не скажу. Я не болтлива.

— Спасибо. Что касается ваших попыток пиариться за мой счет... Я готов закрыть на это глаза. Считайте это платой за информацию и молчание. Но если я узнаю, что от вас просочилось хоть слово о прошлом Лу Яня... — Бай Муюнь не договорил, но в его тихом голосе прозвучала недвусмысленная угроза.

— Нет-нет, клянусь! Ни слова! — Цзян Цзинхун испуганно закивала. У неё сердце едва не

выскочило из груди: с нынешним влиянием Бай Муюня ему стоило лишь бровью повести, чтобы разрушить её карьеру.

— Хайп — плохой помощник. Советую остановиться и уделить больше времени актерскому мастерству.

— Я всё поняла! Я сейчас же велю им всё прекратить! Клянусь, о Лу Яне — ни звука! — она лепетала оправдания, до смерти напуганная тем ледяным спокойствием, с которым Бай Муюнь ставил её на место.

Он понимал, что, заткнув рот одной девице, не остановит всех, кто знал правду. Но сейчас это было лучше, чем ничего. Бай Муюнь не собирался задерживаться на встрече одноклассников. Коротко попрощавшись со старостой Лю Чаншу, он направился к выходу. Тот попытался было его удержать, но быстро понял, что это бесполезно. Те, кто пришел только ради «киноимператора», разочарованно вздохнули.

Как только Бай Муюнь вышел из отеля, его мгновенно окружила толпа журналистов. Охранники с трудом сдерживали натиск прессы. Бай Муюнь шел сквозь вспышки камер, погруженный в свои мысли и не слыша летящих со всех сторон вопросов.

Вдруг издалека донесся пронзительный крик. Толпа впереди колыхнулась, люди в панике бросились врассыпную.

— Убивают! Там человек с ножом! Бегите!

— Что случилось?! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Безумец с ножом! Полицию уже вызвали, уходите скорее!

Прохожие начали в страхе прятаться в ближайших лавках и кафе.

— Босс Бай, уходим скорее! — кто-то схватил его за руку, пытаясь утянуть в безопасное место.

— Подождите!

Бай Муюнь, не слушая криков за спиной, бросился наперерез бегущей толпе. Он увидел Лу Яня.

Тот застыл на месте, не в силах пошевелиться, глядя в одну точку. Среди общего хаоса и паники его неподвижная фигура казалась пугающе четкой. Там, куда он смотрел, не смолкали крики и звон разбитого стекла.

Бай Муюнь подбежал к нему и попытался оттащить в сторону, но Лу Янь словно прирос к земле.

— Лу Янь?!

Только сейчас Бай Муюнь заметил, в каком он состоянии. Лицо Лу Яня стало белее мела, губы посинели, всё тело била мелкая дрожь. Он широко раскрытыми, немигающими глазами смотрел на безумца, который хаотично размахивал ножом. Лу Янь был словно в трансе: запредельный ужас и невыносимая боль сковали его сознание, а из горла вырывались лишь нечленораздельные хрипы.

Бай Муюнь мгновенно вспомнил рассказ Цзян Цзинхун. Лу Янь снова видел это. Прямо сейчас он проживал тот самый кошмар из своего прошлого.

В груди Бай Муюня словно провернули раскаленный камень. От жалости и ярости перехватило дыхание, но времени на чувства не было. Обернувшись, он увидел, что преступник с ножом несется прямо на них.

Резким движением Бай Муюнь оттолкнул Лу Яня, уходя от первого удара. Нож промелькнул в считанных сантиметрах. Безумец замахнулся снова, полоснув воздух по горизонтали; лезвие едва не задело грудь Бай Муюня. Отступив на несколько шагов, он с ужасом обнаружил, что Лу Янь исчез из поля зрения.

Новый всплеск криков заставил его обернуться. Всё произошло в долю секунды: Лу Янь, вместо того чтобы бежать, вдруг сам загородил его собой.

У Бай Муюня перехватило дыхание. Он обхватил Лу Яня за талию, рывком дергая назад, и вскинул левую руку, закрывая его голову. Кончик ножа прочертил глубокую борозду по предплечью Бай Муюня, и из раны мгновенно хлынула кровь.

— Сяо Бай... Сяо Бай... — Лу Янь дрожал так сильно, что едва держался на ногах. Его взгляд был пустым, по щекам катились слезы, а он беспрестанно шептал одно и то же имя.

— Я здесь, здесь, я с тобой... Лу Янь, я рядом... — Бай Муюнь отвечал, не переставая, увлекая его прочь от преследователя. Но безумец не отставал.

Заметив в стороне пустой закоулок, Бай Муюнь оставил там Лу Яня, подхватил валявшийся у стены длинный черенок от метлы и развернулся навстречу нападавшему.

— Не ходи туда!!

— Бегите, босс Бай, бегите!

— Помогите! Где полиция?!

— Вернитесь, у него нож!

Люди вокруг кричали, предупреждая об опасности. Но Бай Муюнь знал: с Лу Янем, который едва соображал, что происходит, им не убежать. Преступник настигнет их в два счета. Значит, бежать нельзя. Нельзя отступать. За его спиной — Лу Янь.

Во время съемок боевиков Бай Муюнь месяц занимался единоборствами и изучал основы самообороны. Он не знал, помогут ли эти навыки в реальной схватке, — проверять не доводилось. Теперь случай представился.

Нападавший действовал слепо и яростно. Когда нож пошел сверху, Бай Муюнь с силой заблокировал удар палкой. Перехватив левой рукой запястье противника, он резко вывернул его вверх. Безумец взвыл от боли, едва не выронив оружие. Не давая ему опомниться, он ударил локтем в лицо, а затем, уйдя за спину, заломил руку врага. Нож со звоном упал на асфальт.

Ударом под колено Бай Муюнь заставил преступника рухнуть на землю. Тот пытался сопротивляться, но он жестко впечатал его в дорожное покрытие, не давая пошевелиться.

Вся схватка заняла меньше двух минут.

Увидев, что опасность миновала, прохожие подбежали и помогли окончательно скрутить преступника. Бай Муюнь разжал руки, отшвырнул нож подальше и, не обращая внимания на аплодисменты и вспышки камер подоспевших журналистов, бросился к Лу Яню.

Тот сидел на корточках, обхватив себя руками и продолжая мелко дрожать.

— Сяо Бай... Сяо Бай...

Бай Муюнь крепко прижал его к себе, шепча на ухо:

— Я здесь, я рядом... Янь-эр, не бойся, всё закончилось. Я цел, мы в безопасности...

Он осторожно поднял его на ноги.

— Уходим.

Но пресса уже плотно обступила их.

— Киноимператор Бай, можно пару слов?

— Что вы чувствовали в момент нападения?

— Вы занимались боевыми искусствами профессионально?

— Вам было страшно стоять против ножа?

— Режиссер Лу? Это же режиссер Лу Янь!

— Точно он! Лу Янь, как вы прокомментируете случившееся?

Бай Муюнь нахмурился. Сбросив пиджак, он накинул его на голову Лу Яня, скрывая того от объективов. Крепко прижимая его к себе и буквально закрывая своим телом, он двинулся сквозь толпу, игнорируя вопросы.

— Киноимператор Бай, скажите, что вас связывает с режиссером Лу?

— Вы так близки... Вас связывают романтические отношения?

Бай Муюнь остановился и посмотрел в глаза спросившему. Его лицо было мертвенно-бледным, а взгляд — ледяным и полным ярости.

— Проваливайте.

От этого тона и ауры нескрываемой угрозы толпа мгновенно притихла. В этот момент подоспела полиция, оттесняя журналистов.

— Мы отвезем вас в больницу, — произнес офицер, возглавлявший наряд.

Бай Муюнь бросил взгляд на Лу Яня, который всё ещё не пришел в себя.

— Спасибо. Мы поедem.